
Содержание

À la recherche du temps perdu: О сборнике. (От редактора) 8

УКРАИНА – РОССИЯ: К ИСТОРИИ ВОССОЕДИНЕНИЙ

Ю.В. Никуличев

Как в 1654 г. не произошло воссоединения Украины с Россией 15

ДЕКАБРИСТЫ И ЮБИЛЕЙНАЯ ТРАДИЦИЯ

Д.И. Булдакова, О.И. Киянская

Юбилей восстания декабристов в советской исторической науке и периодике первой трети XX в. 47

Д.М. Фельдман

Термин «декабрист»: В преддверии 180-летнего юбилея возникновения 55

1914–1917–1929–1937: ИСТОРИЯ И ЮБИЛЕИ

И.И. Глебова

Петербург–XX: О городе и революции 81

И.К. Богомолов

Август двадцать четвертого: Десятилетие Первой мировой войны и советская печать 123

А.К. Сорокин

О сталинской триаде: Индустриализация / коллективизация – к 90-летию «Великого перелома» 139

Ю.С. Пивоваров

Девяносто лет «коллективизации». (Убийство русского крестьянства) 156

Ю.С. Пивоваров

Почему Сталин не выиграл войну 164

О.В. Большакова

1917–2017: Американский взгляд на русскую революцию 169

М.М. Минц

Столетие революций 1917 года и российская историческая наука. (Обзор) . 180

РОССИЯ – ЕВРОПА: ЕВРОПЕЙСКИЕ ЮБИЛЕИ – ОБЩАЯ ИСТОРИЯ

В.Н. Чернега

К 75-й годовщине высадки союзных войск в Нормандии: Западные союзники во Второй мировой войне 213

И.Г. Шаблинский

Финляндия: Вехи истории, формы правления (К 75-летию Соглашения о перемирии 1944 г.) 224

О ЛЮДЯХ, КНИГАХ, ЖИЗНИ

Ю.С. Пивоваров

«И образ мира, в слове явленный, И творчество, и чудотворство» (К 150-летию «Войны и мира») 243

Ю.С. Пивоваров

«...Будущая настольная книга для всех русских надолго...» 246

Ю.С. Пивоваров

Анти-Ленин: Петр Струве – теоретик ревизионизма, либерал-государственник, религиозный мыслитель, крестоносец русской свободы 252

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ ЮБИЛЕЕВ

М.А. Краснов

Отвергнутая конституция. (Этюд в духе альтернативной истории) 275

Ю.С. Пивоваров

«Чудо А.Д. Сахарова» 295

И.Г. Шаблинский

30 лет самой массовой забастовке в России: Как это было. Что это означало 299

P.S.

Ю.С. Пивоваров

«Будет ничего» 305

ПРЕДСТАВЛЯЕМ СБОРНИК

Аннотации статей 329

Сведения об авторах 344

Contents

À la recherche du temps perdu: About the collection. (From the editor) 8

UKRAINE - RUSSIA: THE HISTORY OF REUNIONS

Yu.V. Nikulichev

There was no reunification of Ukraine with Russia in 1654 15

DECEMBRISTS AND THE JUBILEE TRADITION

D.I. Buldakova, O.I. Kiyanskaya

Anniversaries of the Decembrist uprising in Soviet historical science and in the periodicals of the first third of the 20th century 47

D.M. Feldman

«Decembrist»: On the eve of the 180th anniversary of the emergence..... 55

1914–1917–1929–1937: HISTORY AND ANNIVERSARIES

I.I. Glebova

Petersburg – XX: the city and revolution 81

I.K. Bogomolov

The tenth anniversary of the First World War and the Soviet press..... 123

A.K. Sorokin

Stalin's Triad: Industrialization / Collectivization – on the occasion of the 90th anniversary of the «Great Breakthrough» 139

Yu.S. Pivovarov

Ninety years of collectivization (The Killing of the Russian Peasantry)..... 156

Yu.S. Pivovarov

Why Stalin did not win the war? 164

O.V. Bolshakova

1917–2017: American view on the Russian revolution..... 169

M.M. Mints

Centenary of Revolutions of 1917 and Russian historical science (Review) 180

RUSSIA - EUROPE: EUROPEAN ANNIVERSARIES - A COMMON HISTORY

V.N. Chernega

- 75th anniversary of the landing of the Allied troops in Normandy.
Western Allies in World War II..... 213

I.G. Shablinsky

- Finland: Milestones in History, a form of Government (75th Anniversary of the
Armistice Agreement 1944)..... 224

ABOUT PEOPLE, BOOKS, LIFE

Yu.S. Pivovarov

- «And the image of the world, revealed in the word, / And creativity, and
miracles» (150th anniversary of Leo Tolstoy's «War and Peace»)..... 243

Yu. S. Pivovarov

- «... The future handbook for all Russians for a long time ...» 246

Yu.S. Pivovarov

- Anti-Lenin: Peter Struve – theorist of revisionism, liberal statesman, religious
thinker, crusader of Russian freedom..... 252

MODERN RUSSIA IN THE CONTEXT OF ANNIVERSARIES

M.A. Krasnov

- Rejected Constitution (Alternative story) 275

Yu.S. Pivovarov

- The Miracle of Sakharov..... 295

I.G. Shablinsky

- 30 years of the most massive strike in Russia: How it was, what it meant 299

P.S.

Yu.S. Pivovarov

- «There will be nothing» 305

- Article Annotations 329

- Authors list..... 344

***À LA RECHERCHE DU TEMPS PERDU¹: О СБОРНИКЕ
(От редактора)***

Настоящее издание несколько отличается от той «продукции», которую вот уже в течение десяти лет издает Центр россиеведения². Пожалуй, это самый «вольный» наш проект, посвященный вещам, вообще-то, эфемерным: прошлому, памяти, символам, идеям. Но у него все то же целеполагание – «найти» ту Россию, которую один из наших постоянных авторов (и создатель этого подразделения в ИНИОН РАН) Ю.С. Пивоваров определяет как «приемлемую».

Понятно, что название сборника идет от великой эпопеи Марселя Пруста. Используется и «метод» писателя. Он говорил, что его инструмент – не микроскоп, а телескоп, направленный на Время. Время у Пруста – индивидуальное время героя (героев). У нас – коллективное Время России. Это, возможно, немного высокопарно, но по существу точно.

Когда мы говорим об утраченном времени, то не имеем в виду нормативно-обыденное: что было – то прошло. Утраченное время для историка, обществоведа – это время, которое не включено в наше сознание либо включено в каком-то фальшивом виде: лживых мифов, неадекватных стереотипов и проч. Это история, которая случилась, но осталась непрочитанной, неосмысленной, непонятой – из нее не извлечен опыт. Это время, которое прошло для нации как бы впустую. Если такие пустоты накапливаются, общество теряет темпоральную перспективу: растрчивает свое историческое время – и не знает этого, не чувствует. Отсюда – странные

¹ В поисках утраченного времени (франц.).

² Свой «юбилейный» сборник мы издаем в юбилейное для нас время: в 2018 г. исполнилось десять лет Центру, в 2019 – десять лет «Трудам по россиеведению» (о нашем Центре и его изданиях см.: [2]). Это и юбилей Института, которому принадлежит наш Центр. Точнее, целая серия юбилеев: 2018 г. – столетие библиотеки, сначала послужившей его основой, а потом постоянно пополнявшейся и развивавшейся вместе с ним; 2019 г. – 50 лет ИНИОН и 45 лет его работе в здании на Нахимовском проспекте, поврежденном пожаром 30 января 2015 г.; 2020 г. – 5 лет пожару и серии уголовных дел, с ним связанных (использующих пожар в качестве повода для преследования одного из инионовцев – последнего выборного директора Института Ю.С. Пивоварова).

провалы в развитии: топтания на месте, пробуксовки (почти дословные повторения пройденного на новом историческом витке), жизнь короткими перспективами. Такого рода «неудачи» встречаются в истории любой нации, но нам более всего интересен и важен русский случай.

В современной России с прошлым – особая ситуация: о нем спорят, за него «воюют», на этом фундаменте строятся общественная идентичность и легитимность режима. «Ретроспективизмом» она отличается от СССР, делавшего ставку на будущее. Да, интерес к прошлому есть, но своеобразный. Более всего в отечественной истории россиян занимает Великая Отечественная война (таких у нас, как показали исследования 2017 г., 38%, а еще десять лет назад их было 55%, т.е. даже здесь произошло большое падение, и это притом что тема Победы всегда в «повестке», не покидает публичного пространства). За Отечественной следуют петровское время (оно интересно 31%), Древняя Русь (28%), «Серебряный век», т.е. эпоха конца XIX – начала XX в. (18%), и брежневский период (17%). В год столетия революции внимание к ней проявило всего 13% опрошенных; это чуть меньше тех, кого в отечественной истории не интересует ничего; их – 15%¹. А ведь это совсем недавнее прошлое (оно, по существу, было четыре поколения назад) – да и дата большая, в некотором смысле магическая. Символично: от 48 до 60% россиян не знают, как их предки (их семьи) участвовали в ключевых событиях XX в.²

В таком контексте увлечение прошлым кажется каким-то ненастоящим (фейковым, как сейчас говорят), а «ретроориентация» – всего лишь общественным настроением, ни к чему не обязывающим, никуда не ведущим. Это накладывает отпечаток на отношение ко всему «историческому», виртуальному и материальному³. Тема «утраченного времени» в современной России обретает, таким образом, совершенно особый смысл. Утраченное время – это несостоявшееся общество (общество, которого нет). Получается, нашему обществу, чтобы состояться, необходимо вос-

¹ Прошло и ладно? (опрос Левада-центра, март 2017 г.) // Огонек. – М., 2017. – 27 марта, № 12. – С. 7.

² См.: Огонек. – М., 2017. – 10 июля, № 27. – С. 5. Более ранняя часть семейных историй вообще погружена в забвение; для подавляющего большинства наших граждан своей истории попросту нет (у памяти – короткий горизонт, если и помнят что-то, то до Великой Отечественной). Поэтому история страны предстает как нечто отвлеченное, не близкое (к ней нет личных «привязок»). И борьба вокруг нее – в основном идеологическая (связана с проблемами сегодняшнего дня).

³ Символом отношения к прошлому может служить один из вологодских его остатков (точнее, останков): черный остов сгоревшего в 2017 г. здания дореволюционной электростанции перекрыт сейчас баннером «Сохраняя прошлое, строим будущее». Вологда еще и в позднесоветские времена была полна деревянной архитектурой последних трех столетий. Лет десять назад горожане рассказывали нам, приезжим, как горит это их прошлое. Теперь процесс его ликвидации перешел необратимую черту. А в целом в стране – ностальгические времена.

полнить временные утраты: создать проект будущего, заняться настоящим, понять прошлое.

В связи с этим задачу своего издания мы видим в том, чтобы, во-первых, указать на утраченное (т.е. выпавшее из национального сознания), во-вторых, по-новому прочесть некоторые факты русской истории и биографии ее великих людей. Следует объяснить, почему особое внимание мы уделяем юбилеям и памятным датам.

Прежде всего, XXI век оказался для России временем больших юбилеев. Сама наша эпоха как бы требует взглянуть на русскую историю с этой (юбилейной) позиции (предполагает возможность такого взгляда).

Затем, юбилеи – особый жанр, особая практика воспоминаний, т.е. актуализации прошлого. Это своего рода навигаторы в море фактов, эпох, судеб, модераторы в разговоре общества с историей; они ее форматируют (размечают в хронологическом и смысловом отношениях).

В эти моменты прошлое как бы пересекается (не перекликается, а именно пересекается) с настоящим. Это своего рода проверка: что мы знаем об истории, нужен ли и возможен ли пересмотр нашего знания, насколько актуальна история для настоящего времени. Иначе говоря, юбилеи – знаки нашей памяти. Или беспомыслия. Это способ своеобразного тестирования общества: способно ли оно извлекать из истории – нет, не уроки – опыт, конвертировать его в социальную жизнь.

В юбилеи не столько говорят об истории, сколько сочиняют историю: иначе говоря, в значительной степени историю событиям, людям, эпохам делают юбилеи. Притом практикуют особое отношение к прошедшему: предполагают взгляд на него через «розовые очки» – не столько стремящийся к пониманию и уж совсем не разоблачающий, а прославляющий, утверждающий, примиряющий. Поэтому чрезвычайно важно, кто и для чего «делает» юбилеи – обращает внимание нации на ее прошлое, определяет, как именно она должна его видеть. Ведь таким образом задаются ориентировки в настоящем (мировоззренческие, политические и проч.), верность которым обосновывается «высшими» – историческими – счетами.

И наконец, склонность к такой «селекции» истории, юбилейная традиция воспоминаний чрезвычайно сильны именно в нашем отечестве. Причем особую роль в юбилейных сочинениях играет власть: она не просто в них участвует, но в основном имеет на них монополию. Юбилеи – инструменты власти, технология обеспечения политического и идеологического доминирования, нейтрализации конкурентов, оппонентов и проч. Под юбилейные фанфары «сверху» диктуются хронология и «философия» истории, «сочиняется» официальная Россия (иначе говоря, юбилеи служат сближению, примирению социума с властью). Если исторические юбилеи

превращаются у нас в конфликт мнений, позиций, интерпретаций, – значит, в России наступило время свободы.

В этом издании мы предлагаем посмотреть на юбилеи и памятные даты с определенной, возможно, несколько неожиданной точки зрения. Юбилейный жанр (юбилейная технология) представляется нам чем-то вроде археологии. Очень похоже: ты «достаешь» (извлекаешь из времени, потока эпох, людей и событий) «предмет» – и через него изучаешь историю. Юбилеи – это, конечно, особый тип археологии: не «вещный» (материальный), а смысловой (метафизический). Он нацелен на составление новой хронологии истории (содержательной) и на реконструкцию изучаемого времени (на поиск в нем связей, влияний, взаимообусловленностей и в конечном счете на понимание его значения)¹. То есть эта археология предполагает некоторое подведение исторических итогов – и определение перспектив.

Иначе говоря, юбилеи являются весьма удобным поводом для поисков утраченного. Пользуясь этим инструментарием, мы пытаемся решить весьма непростую и амбициозную задачу: воспроизвести адекватную картину ушедшего времени – ушедшего, но еще не утраченного. При этом, конечно, помним слова И. Бродского: «По безнадежности все попытки воскресить прошлое похожи на старания постичь смысл жизни» [1, с. 69].

Разумеется, мы не ставили перед собой задачу среагировать в одном издании на все исторические юбилеи в России-XXI. Да это и невозможно. Наша юбилейная подборка и случайна, и не случайна одновременно. Случайна в том смысле, что мы шли за интересами и выбором наших авторов. Не случайна, так как в ней оказались отражены некоторые главные для страны (эпохальные) юбилеи. Потому что посвящены они тем событиям, в которых отразилось (через которые выразилось) время, по которым мы и судим о своем прошлом. Но и не только. А потому выработка точки зрения на них представляет собой опыт национального самоопределение. Здесь ошибки в воспоминаниях очень дорого стоят.

¹ Собственно, социальная функция истории и состоит в выявлении *значений* прошлого, его критическом осмыслении и донесении этого знания до общества. Это – не популяризация истории, а критическая «проработка» и гуманизация общественной памяти. Не случайно известный французский исследователь П. Нора так формулировал задачу историка: превратить в историю спрос своих современников на память. Благодаря такого рода деятельности в общество вносится сознание историчности. А это дает культуре те внутренние напряжение и определенность, которые необходимы для развития. Французский историк А. Марру писал: человек освобождается от прошлого, давление которого он смутно ощущает не через забвение, «но через усилие, направленное на то, чтобы вновь обрести его, совершенно сознательно принять его, сделав своей составной частью» [3, с. 274]. История, таким образом, оказывается «школой, учебной площадкой и инструментом нашей свободы».

Работы, собранные в данном сборнике, строятся вокруг двух «тем» (по существу, это две возможности изучения юбилеев). В одних юбилеи представлены как «места памяти», т.е. как явление сегодняшнего дня, позволяющее увидеть некоторые важные его черты. В других – это повод поразмышлять над историческими темами, сюжетами, биографиями, текстами, важнейшими для самосознания нации.

Список литературы

1. Бродский И. Поклониться тени: Эссе. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – 312 с.
2. Глебова И.И. О россиеведении и Центре россиеведения ИНИОН РАН // Россия и современный мир. – М.: ИНИОН, 2019. – № 3. – С. 37–52.
3. Marrou H. De la connaissance historique. – Paris, 1954. – 299 p.

И.И. Глебова

**УКРАИНА – РОССИЯ:
К ИСТОРИИ ВОССОЕДИНЕНИЙ**

Ю.В. НИКУЛИЧЕВ

***КАК В 1654 г. НЕ ПРОИЗОШЛО ВОССОЕДИНЕНИЯ
УКРАИНЫ С РОССИЕЙ***

Н.И. Костомаров уже с четверть века как опубликовал свое фундаментальное исследование «Богдан Хмельницкий», когда ему в руки попал целый массив новых документов по истории хмельниччины. Об этой своей находке он по свежим следам напишет небольшую статью «Богдан Хмельницкий, данник Оттоманской Порты». «Недавно, занимаясь в архиве иностранных дел в Москве материалами для истории Малороссии в конце XVII и начале XVIII веков, – читаем здесь, – мы случайно наткнулись на значительное количество документов, относящихся к Богдану Хмельницкому, из которых многие оказались нам до сих пор неизвестными... Мы имели возможность просмотреть эти документы и с удивлением увидели там кое-что, долженствующее, при надлежащем сопоставлении и обсуждении, изменить не только личный наш, но и вообще принятый наукою взгляд на личность Богдана Хмельницкого и на характер его многознаменательной эпохи.

Его отношения к Турции представляются в ином свете, а не в том, в каком привыкли мы себе изображать их.

Знаменитый козацкий¹ вождь, которого мы считаем искренним слугою московского престола и одним из славнейших двигателей дела объединения Русской державы, был на самом деле данником Оттоманской Порты и не переставал считать себя таким и после Переяславского договора, когда, казалось нам, ничто не позволяло бы сомневаться в его верности России» [5, с. 332–333].

Итак, «Богдан Хмельницкий, данник Оттоманской Порты». «Данник» в данном случае слово не вполне точное: из статьи самого Н.И. Костомарова, а в ней приведены обширные фрагменты переписки Хмельницкого с османским султаном Мехмедом IV, следует, что с определенного момента отношения Хмельницкого к турецкому султанату точнее выража-

¹ Сегодня нормой является написание через *а* – *казацкий*, *казаки* и т.д.; в цитатах из старых источников ниже везде сохранено написание через *о* – *козаки*, *козацкий*. – Прим. авт.

лись бы понятием «подданство». Хмельницкий в этих корреспонденциях «отдает поклон» султану как «верный подданный», заявляет о своем и «всего войска» желании и впредь «пребывать верными подданными» Стамбула, султан еще раньше с глубоким удовлетворением пишет (приводим дословно с сохранением орфографии и стиля): «Вы, с верною искренностью откровенно высказавшись, отдаетесь под криле и под протекцию непобедимой Порты нашей, и мы сердечно и любовно принимаем вас и о верности и искренности вашей не сомневаемся». Последняя фраза – из послания султана Хмельницкому от декабря 1650 г.: к этому моменту, следовательно, переход Хмельницкого в османское подданство скорее всего уже совершился. (После чего отнюдь не кажется таким уж невероятным указание на то, что в эти же годы он, возможно, обратился в мусульманство, – указание, промелькнувшее в одном из польских источников и отмеченное у С.М. Соловьева¹.)

Остальные темы переписки – союзнические отношения с крымским ханом и организация совместных с ним военных действий против Польши, учреждение при Порте постоянной резиденции послов гетмана, необыкновенная его популярность в Стамбуле («при дворе падишаха все радуются союзу с козаками, а именитые сановники денно и ночью прославляют подвиги Богдана Хмельницкого») и, наконец, крайне неловкие попытки Хмельницкого объясниться по поводу своего перехода под протекторат Московии. Здесь в послании Хмельницкого все перевернуто с ног на голову, а Переяславская рада представлена как чисто тактический ход в борьбе с Польшей – ход, от которого Хмельницкий, по его словам, тут же и отказался. В послании этот момент изображен так. «Что касается Москвы, что мы с ней вошли в приязнь, то мы учинили так по совету вашей царской милости (???) (знаки вопроса мои. – Ю. Н.)... Что же наши посланцы намекнули перед вашим царским величеством, яко бы Москва нами овладеть имела, то такая у нас в то время пошла было ведомость (т.е. “разговоры”, “слухи”. – Ю. Н.), но теперь о том нет уже никакой речи».

Свою статью Н.И. Костомаров завершает следующим рассуждением. «Историческое значение личности Богдана должно представиться в ином свете. Его преемники – Брюховецкие, Дорошенки, Орлики и другие, преследуя идею самобытности Украины под верховною властью Оттоманской Порты, не действовали вразрез с политикой Богдана Хмельницкого: напротив, думали только следовать по указанному им кривому пути, а Юрий Хмельницкий, пожалованный от султана званием князя Малорос-

¹ С.М. Соловьев приводит это сообщение в контексте переговоров московских послов с польским королем Яном Казимиром в 1653 г. В тексте буквально следующее: «Паны отвечали, что Хмельницкий говорит всю неправду, что он поддается турецкому султану и принял бусурманскую веру; об этом они узнали недавно; только бусурманскую веру принял он один, Хмельницкий, чернь султану поддаться не захотела» [10, с. 565].

сийской Украины, был не “сын, недостойный славного родителя”, но вполне был его достоин» [5, с. 342–343].

К костомаровским оценкам со временем присоединилось сразу несколько историков конца XIX – начала XX в., включая, скажем, такую величину, как М.С. Грушевский. По логике вещей дальнейшая историографическая разработка темы войны 1648–1654 гг. должна была бы принять, как минимум, несколько иное по сравнению с прежним направление. К тому была еще и та серьезная причина, что «старая школа» (а потом и «новая» – советская) всегда испытывала известные неудобства при объяснении фактов участия громадных татарских отрядов в хмельниччине – фактов, хрестоматийно известных и без открытий Н.И. Костомарова. Изменись у историков взгляд на «турецкую дипломатию Богдана Хмельницкого», и все, казалось бы, вставало на свои места. Но нет, не успели! «Пришли иные времена, иные нравы» – и утвердился обязательный к исполнению канон в духе картины Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» и идеологемы о вековой дружбе двух братских народов. В этом каноне удалое запорожское казачество издревле противостоит татарам и туркам в охране южных границ христианского мира, время от времени оно также поднимается против «ляхов» – чужезерцев («латинян») и угнетателей, в 1648 г. оно во главе с Хмельницким начинает войну за независимость от польской короны, сбрасывает с себя чужеземное иго и наконец в едином порыве на Переяславской раде 1654 г. воссоединяется с единоверным народом Московского царства.

«Славного сына Украины» Богдана Хмельницкого при этом произвели во все степени, звания и ипостаси сразу – в «украинского Кромвеля», в «основателя украинского казацкого государства», «выдающегося государственного деятеля», «умелого полководца» и «тонкого дипломата». Своего апофеоза все это достигло в тезисах ЦК КПСС «О 300-летию воссоединения Украины с Россией» (1954), где директивно разъяснялось, что «исторической заслугой Богдана Хмельницкого является то, что он, выражая вековые стремления и надежды украинского народа к тесному союзу с русским народом и возглавляя процесс складывания украинской государственности, правильно понимал ее задачи и перспективы, видел невозможность спасения украинского народа без его объединения с великим русским народом, настойчиво добивался воссоединения Украины с Россией» [11, с. 8] – некая тайная пружина всей его деятельности в сознательном возрасте.

Оспаривать все эти цветы красноречия мы здесь не сможем уже по недостатку места: у того же Н.И. Костомарова, например, «Богдан Хмельницкий» занял два довольно-таки пухлых тома. Но сделаем вот что – выйдем и акцентируем несколько главных «смысловых точек» хмельниччины, наиболее точно характеризующих это движение от начала до конца.

Есть такое понятие – референтные значения: это всегда нечто такое, что позволяет измерить явление или процесс. Так вот, какими именно фактами – фактами абсолютно достоверными и всесторонне документированными – хмельниччина объясняется наиболее логичным, последовательным и непротиворечивым образом? Вся задача именно в этом – выявить логику процесса, логику перехода от одной фазы движения к другой. Порок всей традиционной историографии деяний гетмана в этом и заключается: за всевозможными историческими экскурсами, за подробными описаниями всякого рода перипетий – военных, политических, дипломатических и т.д. – в ней теряется из виду общая логика движения. Она под спудом, ее не видно, и вся традиция в конце концов разбивается о конечное противоречие: «основателем первого украинского государства» здесь оказывается человек, сдавший «украинский суверенитет» (случай беспримерный в деяниях человечества!) сразу двум соседним державам – вначале Оттоманской Порте, а потом Московии.

Король польский Владислав IV... как инициатор хмельниччины

У истоков «освободительной войны украинского народа» лежит одно обстоятельство, которое либо замалчивается в традиционно-апологической истории деяний Б. Хмельницкого, либо завуалировано так, что до его истинного смысла не докопаться, а именно: хмельниччина была спровоцирована и даже финансирована Владиславом IV – тем самым Владиславом, коего в бытность его еще королевичем московские бояре в 1610 г. приглашали на российский престол. Говоря коротко, Владислав замышлял то, что сегодня называется военно-государственным переворотом, – на одну из первых ролей в этой интриге и предназначался «гетман войска его Королевской милости Запорожского» Богдан Зиновий Михайлович Хмельницкий.

К середине XVII в. роль королевской короны в Речи Посполитой оказалось низведенной до значений почти символических. Шляхта усиливалась – прерогативы короля урезались. Говорили, что король подобен пчелиной матке без жала: ее могут жалить все, а она никого. Король не мог по собственному произволению вступать в брак и воспитывать своих детей, не имел права приобретать земельную собственность. В конце концов его лишили возможности выезжать за границу «без позволения республики» и нанимать войско не только из иностранцев, но и из своих подданных, не будь на то согласия «всей Речи Посполитой».

Другое дело жизнь шляхтича. «Царствование Владислава IV, – пишет Н.И. Костомаров, – было золотым веком личной шляхетской свободы. Тогда она дошла до такого предела, за которым, при тогдашних условиях жизни, понятиях и нравах, наступало для нее самоуничтожение. Шляхтич

достиг совершенной независимости от короля... В своем имени он был настоящий государь, полновластный, самостоятельный, самодержавный, со всеми принадлежностями верховной власти, мог на своей земле строить замки, города, содержать войско, вести с кем угодно сношения, даже войну, если сил у него хватало, а над своими подданными имел безапелляционное право жизни и смерти и мог управлять ими со всем произволом азиатского деспота» [5, с. 148].

На страже своих «республиканских свобод» шляхта стояла со всей возможной чуткостью и зоркостью, как и король переживал свое бессилие крайне болезненно. Собственно, у него оставалась одна прерогатива, по традиции принадлежавшая польской короне: в случае серьезной внешней опасности объявить общий сбор войска (так называемое посполитое рушение). Именно здесь-то и завязалась «интрига».

Возможно, ее задумал даже не король, а некий Тьеполо – посол Венеции, явившийся ко двору Владислава в 1644 г. Целью его миссии было вовлечь Варшаву в войну с Оттоманской Портой, которая к тому времени перекрыла Венецианской республике все морские пути торговли с Востоком и с которой Европа враждовала вот уже три века. Венеция и Ватикан деятельно сколачивали антитурецкую коалицию (в нее приглашали и Москву), но в Западной Европе дело шло туго и взоры «всего христианского мира» в конце концов обратились к Польше.

Владиславу визит Тьеполо должен был представиться чем-то вроде неожиданного стечения самых благоприятных обстоятельств и предзнаменований – счастливым знаком судьбы, обещающим разрешение сразу всех проблем его правления. С одной стороны, конечно же, манил вдруг появившийся шанс стать победителем османов и снискать себе ту славу, что столь многим кружила головы в правящих дворах по всей Европе; с другой – при успехе предприятия он мог бы поправить свои дела и в родной Польше. Но войну надо было начать, а Владислав этого сделать не мог: по традиции посполитое рушение собиралось лишь тогда, когда стране угрожала серьезная внешняя опасность. И взоры Владислава обращаются к запорожским казакам – начинается «тайная дипломатия» с далеким прицелом на то, что войну с Турцией спровоцируют именно они. «Самые разнообразные источники свидетельствуют, – подчеркивал П.Н. Буцинский, один из последних дореволюционных исследователей хмельниччины, – что Владислав IV хотел произвести переворот в Польше посредством иностранных наемных солдат и в особенности надеялся в этом деле на казаков» [2, с. 18].

Подчеркнем и мы: «запорожская интрига» Владислава – не «конспирология» и не гипотеза из тех, которые «требуется еще доказать». Это многократно удостоверенный факт. И самый авторитетный источник в данном случае – не кто иной, как Богдан Хмельницкий собственной пер-

соной. В своем так называемом белоцерковском универсале 1648 г. он так и возвестил: «Мы должны были начать с поляками это военное дело... так как начали мы эту войну с поляками с его королевского согласия, поскольку поляки, не считаясь с его высокой королевской персоной, манда-там и приказам его не подчинялись...» [3]. Еще яснее в простоте душевной изъяснились казацкие депутаты, явившиеся в 1848 г. на Сейм Речи Посполитой: «Казаки взяли оружие по приказанию короля; нам дали деньги для постройки чаек, приказали готовиться к войне, обещали восстановить наши права, а после того тотчас же паны стали нас жестоко угнетать – так мы, получивши силу, и стали защищаться» [4, с. 263].

Расчеты Владислава были, казалось, беспроегрешными. При всех своих вольностях Запорожская Сечь входила в пределы королевства и ее обитатели, формально говоря, были подданными польской короны. Более того, существовали так называемые реестровые («списочные») казаки – казаки, занесенные в особый список, несшие службу по охране украинских границ Польши и за это получавшие жалование: эти находились уже в прямом подчинении у Варшавы. (В реестре, попутно заметим, находился и сотник Чигиринского полка Богдан Хмельницкий: по прошлой своей службе, включая войну с Турцией 1620–1621 гг. и с Московией в 1634 г., он был лично известен Владиславу и даже имел перед ним какие-то особые заслуги.) Одновременно при отдаленности Запорожской Сечи и легендарном своеволии «вольных казаков» Варшава прямой ответственности за них вроде как бы и не несла: те чуть не ежегодно на своих «чайках» (легких суднах) являлись на земли Крымского ханства и грабили здесь всех подряд. Собственно, они и без всякой «тайной дипломатии» постоянно держали Польшу и Турцию на грани войны, так что поднять их на новую авантюру было, казалось, проще простого. Тем более посланец богатых венецианских дождей с самого начала налево и направо сыпал обещаниями (в том смысле, что сегодня называется спонсированием и финансированием).

Наконец, успех казался тем более верным, что к «священной особе монарха» казаки и всегда-то относились с величайшим пиететом, а Владислава IV разве что не боготворили. И на то у них были свои особые резоны. Казакам он благоволил еще со времен походов против Москвы, потом неоднократно выступал ходатаем по их делам перед отцом-королем и сенатом. Приняв в 1632 г. корону, Владислав тут же заявил о намерении обеспечить права и вольности украинцев, а через три года выдал казацким депутатам «привилей» (нечто вроде закона), подтверждавший все «войсковые и малороссийские права и вольности давние», в особенности же, как будет написано в одном из позднейших универсалов Хмельницкого, «особливое утверждение веры нашей православной». Годы его правления – это отход от рьяного католицизма прежнего правления и время широчай-

шей веротерпимости в отношении вообще всех конфессий, исповедуемых в Польше. Бывали в польской Украине, спору нет, тяжкие времена для крестьянства, казачества и православной веры, но не было лет более благополучных, чем преддверие «освободительной войны украинского народа».

Дальнейшие события развивались в духе ныне столь популярного «средневекового детектива». В начале 1646 г. специальным гонцом в Варшаву затребовали нескольких казацких старшин, в том числе Хмельницкого. Во время тайной ночной встречи Владислав дал им специальную грамоту, велел строить флотилию «чаек» для войны с Турцией и выдал 6 тыс. талеров; на ближайшие два года было обещано общим счетом 60 тыс. талеров. Дальше – больше. В Запорожскую Сечь отправляются эмиссары Владислава; Хмельницкому официально и с большой помпой передают знаки гетманского достоинства и обсуждают возлагаемую на него задачу. Речь шла о том, что сегодня называется диверсией и провокацией: требовалось «побеспокоить» черноморские побережья до такой степени, чтобы Порты пошла на Польшу войной. Владислав в этом случае собирает посполитое рушение и...

Нам не дано знать, что именно он намеревался делать дальше, потому что столь далеко рассчитанным планам не суждено было сбыться. Шила в мешке не утаишь, и скоро все польское шляхетство знало о тайных намерениях короля. Среди прочих это засвидетельствовал француз Пьер Шевалье, в то время бывший секретарем французского посла в Варшаве. В своей книге «История войны казаков против Польши» он писал: «Кое-кто убежден, и не без основания, что король Владислав, желая вернуться к своему плану войны против татар, поддерживал с Хмельницким тайные связи и помог казакам восстать с тем, чтобы Речь Посполитая была вынуждена дать королю войско...» [12, с. 76–77].

Речь Посполитая войска королю не дала. На Сейме в конце 1647 г. было постановлено: королю войска не собирать, казаков в морские походы не допускать, а с Турцией и Крымом сохранять мир. Владислав IV постановления Сейма принял беспрекословно. Через полгода его не стало. За несколько дней до своей кончины, когда уже началась польско-казацкая война, «король прислал в войско комиссаров и изъявлял неудовольствие, что войско показывает неприязненные действия против украинцев. Слыша, что Хмельницкий на Запорожье, он полагал, что побег туда сделан с целью учинить нападение на турок, и уверял гетманов, что самое лучшее средство утишить козаков – оставить их в покое плавать по морю» [5, с. 205].

Татары в польско-казацкой войне

Верховный патрон и благодетель Хмельницкого, «его милость король Владислав» был еще жив, когда новоиспеченный запорожский гет-

ман предпринял ряд шагов с точки зрения известной проблемы – «политика и мораль», – еще не вполне оцененных в позднейшей нравоучительной литературе. С начала 1647 г. он отправляет одно за другим два посольства в Бахчисарай, а в марте сам является пред очи крымского хана Ислам-Гирея и здесь выкладывает на стол все доказательства, включая письменные, враждебных намерений Владислава относительно Турции и Крыма. У Н.И. Костомарова его речь перед ханом воспроизведена со ссылкой на польский источник следующим образом. «До сих пор мы были врагами вашими, но единственно оттого, что находились под ярмом ляхов. Знай же, светлейший хан, что козаки воевали с тобою поневоле, а всегда были и будут друзьями подвластного тебе народа. Мы теперь решились низвергнуть постыдное польское иго, прервать с Ляхистаном всякое соединение, предложить вам дружбу, вечный союз и готовность сражаться за мусульманскую веру. Враги наши поляки – враги ваши; они презирают силу твою, светлейший хан, отказываются платить тебе должную дань и еще подушают нас нападать на мусульман; но да ведаешь, что мы поступаем искренно: мы извещаем тебя о их замыслах и предлагаем тебе помогать нам против изменников и клятвопреступников» [5, с. 200].

Изъявив столь большую «готовность сражаться за мусульманскую веру», Хмельницкий легко добился своего. (В новейшей литературе, правда, высказывается предположение, что «тонкий дипломат» Хмельницкий мог, среди прочего, намекнуть хану в духе «или вы с нами против поляков, или мы с поляками против вас», тем более что в это время как раз и строилась флотилия «против турок».) Заключили договор: между Войском Запорожским и Крымским ханством устанавливаются отношения союзничества и военной взаимопомощи, татары не будут опустошать украинские земли и брать с них ясырь (пленных для дальнейшей продажи или использования в хозяйстве), за свое участие в предстоящей войне они от Хмельницкого будут жалованы деньгами, продовольствием, фуражом и частью военной добычи, для совместных действий с Хмельницким на Украину отрягается корпус перекопского мурзы Тугай-бея, под командованием которого тогда находилось от 6 тыс. до 20 тыс.

Возникает вопрос, как точнее всего определить роль татар в казацко-польской войне: как вспомогательную, как важную, как решающую?

Понятно, что за давностью лет и отсутствием надежных данных однозначного ответа на этот вопрос быть не может, и измерить удельный вес и значение татарских отрядов в общей картине войны едва ли возможно. Попробуем поэтому найти не только и не столько «количественные», сколько «качественные» ответы.

Начнем с того, что все предшествующие казацкие возмущения в Польше всегда подавлялись достаточно легко, пусть и не сразу: «с косами и вилами», в лучшем случае с самопалами, казаки попросту не могли про-

тивостоять профессиональной или полупрофессиональной кавалерии¹. В противоположность этому Хмельницкий, имея за собой эту самую величину «икс» – отряды крымских татар, – выигрывает все сражения периода 1648–1649 гг. Источники и последующая литература оценивают численность татарской конницы в первых столкновениях Хмельницкого с поляками примерно в 4 тыс. человек, «загон» (отряд) казаков при этом составлял 8 тыс.; этими силами под Желтыми Водами был разгромлен 10-тысячный отряд поляков, где ядро составляли так называемые «кварцянне жолнеры» (получавшие жалование по четвертям года), т.е. профессиональная часть армии. Через месяц, если верить источникам, украинское войско у Хмельницкого увеличилось примерно до 15 тыс., татарское – до 8 тыс.; при такой «статистике» они наголову разбивают 20-тысячную армию во главе с двумя польскими гетманами (а татары, по некоторым данным, уводят в полон 200 тыс. пленных).

Трудно отделаться от впечатления, что в этих цифрах «что-то не так»: уж не занижена ли в них численность татарской конницы? Вполне ожидаемо у С.М. Соловьева о начальном этапе войны поэтому читаешь (с отсылкой на донесение московского воеводы из Путивля), что «татары запорожским козакам становятся сильны, потому что их вдвое больше, чем козаков; и Хмельницкий пишет по городам, чтоб уездные люди от татар береглись и бежали из уездов в города» [10, с. 510]. В другом месте С.М. Соловьев со ссылкой на архивные документы дает следующие цифры по начальному этапу войны: казаков – 8 тыс., татар – 20 тыс. [10, с. 614]. В «Летописи Самовидца» (очевидца) – одном из наиболее важных первоисточников для историографии хмельниччины – сказано, что к Хмельницкому «хан сразу послал с ордами великими Тугай-бея» [8, с. 8]; описывая перемещения и сражения казацких отрядов, Самовидец везде говорит, что все это происходило при участии «орд немалых». Летом 1649 г., согласно польским источникам, на Украине уже было 100 тыс. ордынцев [5, с. 374]: цифра скорее всего несколько завышена, но при ее оценке следует исходить из того, что здесь на стороне Хмельницкого уже действовал не перекопский мурза со своими 4 тыс., а собственной персоной крымский хан, армия которого наверняка была немалой. Перед зборовским сражением 1649 г. «союзная армия» Хмельницкого, по польским источникам, насчитывала 100–120 тыс. татар и 50–80 тыс. казаков [5, с. 379].

¹ И очень похоже на то, что тяжкие поражения поляков в начале войны во многом и шли от того, что выступление Хмельницкого было воспринято как очередной казацкий бунт, с которым легко справиться, т.е. для данного случая крайне легкомысленно. «Лениво собирались паны с своими надворными командами, – пишет об этом Н.И. Костомаров. – По обычаю польских панов, сбор их подал повод к пирушкам и угощениям. Так проводили они время, сами не зная, что делать, хотя пренебрегали замыслами мятежников и надеялись разом их уничтожить» [5, с. 205].

Летом 1650 г. к Хмельницкому прибыл посланник турецкого визиря: при условии, что гетман признает над собой «покровительство» турецкого султана, ему обещали «сто тысяч войска, кроме орды» (надо полагать, кроме крымской орды) [5, с. 454]. Летом 1651 г. про татар в армии Хмельницкого уже говорится как об «огромной орде». Численность татарской конницы в битве под Берестечко, с которой начался резкий спад «национально-освободительной войны украинского народа», историки оценивают в 30 тыс. человек.

Собственно, Берестецкая битва как раз наиболее наглядным образом и показывает, до какой степени Хмельницкий зависел от татар. Он и раньше, как читаем в описаниях предшествующих сражений, «не начинал наступления, дожидаясь подхода татар», но в битве под Берестечко (июнь 1651 г.) по причинам, до сих пор непонятным и в научной литературе не объясненным (так называемая «загадка берестецкой битвы»), татары вдруг снялись с поля боя и в панике бежали. Результат – почти полное уничтожение казацкого войска: из армии более чем в 100 тыс. человек спаслось едва несколько тысяч; сам Хмельницкий оставил войско, догнал татар и будто бы умолял их вернуться. Не вернулись. «Видно, что Хмельницким овладела трусость, – пишет его биограф, – он не надеялся с одним казацким войском управиться с поляками и боялся, в случае поражения казаков, чтобы не попасть в плен» [2, с. 96].

Но в вопросе о том, сколь велико было значение татарской конницы в польско-казацкой войне, есть еще одна – более широкая – линия анализа. Проблема, если кратко, в следующем. С 1649 г. начинается не вполне понятное по своим причинам, но явственно видимое по источникам охлаждение отношений между Хмельницким и Крымом. Хан вдруг пошел на сближение с Речью Посполитой: по существу, под диктовку Ислам-Гирея был заключен Зборовский мирный договор поляков с Хмельницким (август 1649 г.). Это еще один довод в пользу того, что татары были хозяевами положения и могли позволить себе действовать с позиции силы.

Тем временем на Украине начинается «показачение» – массовый переход «хлопов», прежде работавших на панов, в «вольные казаки» и в армию Хмельницкого. В итоге под началом гетмана скоро оказалось войско, численность которого по тем временам достигла фантастических 250–300 тыс. человек: формально говоря, на середину XVII в. это была самая большая армия в Европе. И что же? Именно на это время и приходится перелом войны, вначале еще слабый, в пользу Речи Посполитой. В том же 1649 г. гетман литовский Януш Радзивилл во главе небольшого войска последовательно разбил несколько казацких полков, дошел до Киева и выбил оттуда силы Хмельницкого. Подавляющее – просто неимоверно колоссальное! – численное превосходство казацкого войска, следователь-

но, никак не компенсировало падения военной активности со стороны татар.

Скажем еще раз и несколько по-иному: самыми успешными у Хмельницкого были всего лишь несколько сражений начального периода войны, т.е. той ее фазы, когда на его стороне были перекопская и крымская орды.

Все эти предварительные и очень осторожные соображения (в литературе ведь вопрос о военном значении татар в хмельниччине, по существу, не исследован) сводятся к следующему: татары составляли значительную и самую боеспособную часть армии Хмельницкого; это отнюдь не вспомогательная сила – это сила, решавшая исход сражений. В какие-то моменты, похоже, они даже численно превосходили силы казаков. Из разных источников мы знаем, как они действовала: всадники на двух или трех конях появлялись перед противником как из-под земли, накрывая его тучей стрел; кроме того, им не было равных в разведке; при перемещениях они выполняли функции передового отряда, а при сражениях – авангарда¹. Польское войско они начисто лишали каких бы то ни было преимуществ в кавалерии – его самой сильной стороны. Кстати, именно в татарах поляки видели своих победителей – не в казацких «скопищах».

Но наведя на Украину татар, Хмельницкий открывал бездонный ящик Пандоры как для самого себя, так и для страны в целом. Первоначально носители того экономического менталитета, который сегодня мы определяем как «набеговый тип хозяйства», ударились в грабеж и угон людей в полон: сначала стали угонять поляков, затем, по мере усугублявшихся разногласий с Хмельницким и в прямое нарушение изначальных соглашений с ним, и казаков тоже. Современник тех событий даже предполагал, что хан в это время перешел к политике равного удаления от воюющих сторон, чтобы те возможно более ослабляли друг друга – к вящей выгоде Крыма. Московские информаторы (по тогдашнему «посыльные для доставления вестей») сообщали, что после Зборовского сражения на возвратном пути в Крым татары начисто разграбили 15 городов с уездами; ходили слухи, что польский король, не имея чем платить наложен-

¹ По польским источникам, Н.И. Костомаров следующим образом воспроизводит такое типичное сражение. «Вдруг завидели поляки пыль, потом показались люди, послышались дикие голоса, и они увидели передовое татарское полчище... К вечеру гуще становились ряды воинов и, наконец, на закате солнца, на пространстве, сколько глазами могли окинуть поляки, растянулось пред ними неисчислимое войско; татарских ратников, говорит современник, было более в этом войске, чем воинов у Тамерлана» [6, с. 353–354]. Или (также по польскому источнику): «Татары появились пред глазами польского войска. Они сначала выступили из леса кучками, потом число кучек умножилось, наконец, они все разом сложились в густую массу, походившую издали на громовую тучу; она все ближе и ближе подходила и появилась перед польским войском страшным полчищем. Вслед за тем посыпали и казаки из лесу и с возвышенностей в долину» [6, с. 384].

ную на него Крымом дань, отдал им на разграбление 70 городов. «Но и с своими союзниками, – пишет Н.И. Костомаров, – поступали татары не лучше и забирали в ясырь многих из тех южноруссов, которые с ними ходили в загонах и им содействовали» [5, с. 189].

Хмельницкому собственной персоной пришлось выдать крымскому хану из своей казны умопомрачительную по тем временам сумму – 500 тыс. талеров, но и этого не хватало, и пришлось обложить украинские земли еще дополнительным налогом. (Еще раз вопрос, можно ли при всем этом говорить о малочисленности татарских отрядов в польско-казачьей войне – были ли это отряды или все-таки орды?) Словом, как говорилось в старинной украинской думе, «тогда зажурилась Украина и увидела, что некуда ей деться; тогда орда топтала конями маленьких детей, рубила старых, брала в плен молодых».

Естественным образом все это повлекло за собой то политическое последствие, что в казачестве авторитет Хмельницкого резко упал, особенно после катастрофы при Берестечко. Отныне он уже не «батько». «Навел татар, бросил войско под Берестечко...». По всей Украине собирались сходки, на которых его осуждали как изменника и выбирали себе иных предводителей. К самому гетману являлись тысячные депутации, и дело доходило до угроз убить его. Вдруг начались конфликты внутри казачества: против Войска Запорожского поднималась Запорожская Сечь! В других местах крестьяне и городские жители расправлялись с казацкими семьями в отместку за своих родных, уведенных в полон татарами. Острейшие противоречия раздирали и самое ближайшее окружение Хмельницкого: одни хотели мириться с поляками, другие – уходить в Московию.

«Его положение было не превосходное, – пишет, ссылаясь на первоисточники, Н.И. Костомаров. – Власть его колебалась; полковники действовали от него отдельно... на татар не было надежды; крымские отряды, которые пришли на помощь, занимались только грабежом самих союзников. Хмельницкий боялся не только врагов, но собственных подчиненных»; «чернь была недовольна гетманом... он должен был зависеть от воли пьяной толпы, которая за малейшее неудовольствие готова была сменить его или даже отдать полякам»; «Положение Хмельницкого было час от часу опаснее. Вооруженные толпы готовились идти на Чигирин и растерзать предводителя» [5, с. 85, 99, 114]. После сражения при Берестечко был заключен с поляками т.н. Белоцерковский трактат (1651), возвращавший казачество ровно к тому положению, которое было до войны. Четыре военных года окончились ничем. Нет, хуже, чем ничем: в конце концов «татарская карта» легла таким образом, что после перехода Хмельницкого под протекцию Москвы татары соединились с поляками и обе силы обрушились на Украину.

Цели и характер «национально-освободительной войны украинского народа»

За все время активных военных действий (подчеркнем: именно активных военных действий, т.е. в период с 1648 по 1651 г.) война казаков против Речи Посполитой не носила национально-освободительного характера ни одного дня. Ни сам Хмельницкий, никакие иные шедшие с ним силы в этот период не ставили перед собой задачи выйти из подчинения польской короне. Освобождение Украины от Варшавы совершилось де-факто в результате русско-польской войны 1654–1667 гг. Но даже и при этом часть казацкой старшины приняла сторону Польши. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

От времен Хмельницкого до нас дошла масса документов – универсалы самого гетмана, тексты мирных договоров, обширные корреспонденции. Нет во всем этом ни одного источника и ни одного текста – буквально ни единой строчки, – откуда следовало бы, что воюющее казачество стремилось выйти из состава польского королевства. Если всю проблему свести к простой формуле: казаки воевали не против «короля», а против «панов», преимущественно польских, – в этом смысле все движение приближается к типу крестьянской войны вроде восстаний Разина и Пугачева. Естественной оговоркой при этом, конечно, будет то, что в массе своей «паны» являли собой пусть очень близкий, но все-таки иной, нежели казаки, этнос. (Впрочем, этничность самих казаков, особенно на Сечи, – это тоже еще вопрос.)

Наиболее авторитетный для уяснения целей движения источник – это, конечно же, тексты договоров Хмельницкого с польской стороной. Центральным из них был Зборовский договор лета 1649 г. – времени самых больших военных успехов казачества и татар (Ислам-Гирей выступал полноправным участником договора). Ситуация следующая: польское войско разгромлено в пух и прах, Речь Посполитая полностью обескровлена, – но каковы требования казачества? Простираются ли они до идеи независимости или хотя бы более широкой, чем прежде, автономии казачьих земель? Вот центральный пункт договора: «Его королевское величество оставляет войско свое запорожское при всех старинных правах по силе прежних привилегий и выдает для этого тотчас новую привилегию»; количество реестровых казаков увеличивается до 40 тыс. (о реестровых казаках ниже); польские войска не квартируют на Украине и в центральных украинских уездах (разве что в этом есть какой-то слабый намек на автономию), король раздает должности исключительно местным православным дворянам. Оригинальное название договора (показателен сам этот язык!) – «Объявления милости его королевского величества войску запорожскому на пункты, предложенные в их челобитной».

Отсутствие «освободительности» в целях казачества имеет под собой простое объяснение – близкое к тому, что на русском материале называлось царистскими иллюзиями крестьянства. «Царь (король) хорош – бояре (паны) плохие» – вот квинтэссенция такого менталитета. «Король у них, хлопов, что-то божественное», – говорил по этому поводу киевский воевода времен той войны. Мог ли Хмельницкий выйти за пределы понятий своего времени?

В свое время этот вопрос был основательно рассмотрен М.С. Грушевским. Подчеркивая, что «ни Хмельницкий, ни козачество, подымая восстание, не думали еще о каком-нибудь коренном переустройстве украинских отношений», он в этой связи указывает на такой показательный момент, как «география» сражений польско-казачьей войны. После первых страшных поражений польского войска, пишет историк, «Хмельницкий мог бы вдоль и поперек перейти не только всю Украину, а и Белорусь, Литву и самую Польшу, и не встретил бы сколько-нибудь серьезного сопротивления». Но нет, «его и без того тревожило, что он так сильно оскорбил “маестат Речи Посполитой” (величие польского государства)» [4, с. 296]. При этом он не раз сносится с королем (уже не с Владиславом, а с унаследовавшим ему Яном Казимиром) и твердит все одно и то же: казаки воюют против панов, а не против короны.

Кстати заметим, что с Яном Казимиром у Хмельницкого в апогее его успехов вообще были какие-то совершенно особые отношения, дающие повод для интереснейшей «конспирологии» относительно польско-украинских отношений того времени. Н.И. Костомаров нашел основания думать, что Хмельницкому принадлежала какая-то особая роль в «элекции» (выборах) короля в 1648 г. (Нас же здесь интересует все тот же вопрос – гетман не только не выступает против установившегося порядка вещей в Польше, но и бросает весь свой тогдашний политический вес на чашу весов, чтобы был избран именно Ян Казимир, а не кто-либо иной.) Н.И. Костомаров пишет следующее: «Самое неразгаданное до сих пор обстоятельство в истории этих дней – то, что нам остаются неизвестными причины, побуждавшие Хмельницкого поддерживать с таким напряжением кандидатуру Яна Казимира. Несомненно, что этот король обязан был достижением престола более всего Богдану Хмельницкому, так как между панами Речи Посполитой число его сторонников было тогда невелико. Странно во всяком случае, что Богдан Хмельницкий, объявивший себя защитником южнорусского народа и исповедуемой этим народом православной религии, стоял за избрание в короли бывшего иезуита и кардинала: ничто не подавало Хмельницкому надежды, чтоб такой король сочувствовал стремлениям православного народа и вождя его... Надобно думать, что между Хмельницким и Яном Казимиром до избрания послед-

него в короли существовало, посредственно или непосредственно, что-то тайное, нам теперь неизвестное»¹.

То есть на выборах 1648 г. Хмельницкий снова «за короля», только на сей раз уже прямым и непосредственным образом – за избрание Яна Казимира. «Был избран брат Владислава, Ян Казимир, за которого высказывался также и Хмельницкий, – подводит итоги этого периода М.С. Грушевский. – Новый король прислал ему письмо, в котором извещал об избрании, обещал козачеству и православной вере различные льготы, просил прекратить поход и ожидать королевских комиссаров. Хмельницкий ответил, что исполнит королевскую волю – возвращается обратно, и действительно направился с войском к Киеву» [4, с. 298].

В дальнейшем они не раз сносились посланиями; Ян Казимир говорил о своей готовности «оказать милость», лишь бы Хмельницкий принес ему «свое правдивое сердце, искреннюю верность и почтительное подданство», а тот в очередной раз уверял, что ничего не имеет против короля и каждый раз тяжело каялся в содеянном.

Читаем одно из таких писем: «Бог свидетель, что я всегда был низжайшим слугою вашего королевского величества и никогда, от колыбели до седин, не замышлял мятежа против вашего величества... Не напыщенный гордостью, но вынужденный безмерными бедствиями, угнетенный, лишенный всего имущества отцовского, я прибегнул к ногам великого хана крымского, чтобы при его содействии возратить милость и благосклонность вашего королевского величества... Я скорее откажусь от жизни, чем решусь не исполнить малейшего мановения вашего королевского величества, милостивого моего государя» [2, с. 68].

Можно было бы подумать, что в этом своем послании Хмельницкий, мягко сказать, дипломатничает, а если выразиться проще, водит «милостивого своего государя» за нос (интересно, каким таким образом, припадая к ногам хана крымского, он надеялся вернуть себе монаршую благосклонность?). Но вот другая ситуация, привносящая показательный штришок в тему «монархических иллюзий» украинского казачества. Во время Зборовской битвы, пишет летописец, гетман «строго приказал своему воинству, чтобы никто во время сражения не дерзал поднять убийственной руки на короля и прикасаться к нему, как особе священной, т.е. помазаннику Божию, но при всяком случае чтит бы его с благоговением». «Сам король был несколько раз окружен казаками, но к нему никто не

¹ Н.И. Костомаров продолжает: «Действительно, ездивший в Варшаву в это время гонимом московского царя дьяк Григорий Кунаков сообщает, что Ян Казимир, будучи еще только королевичем, посылал к Хмельницкому какого-то Юрия Ермолича с грамотою и давал обещание, если его выберут на престол, успокоить возникшую войну, не мстить войску запорожскому за прежнее и вольности русского народа подкрепить паче прежнего» [5, с. 317].

прикасался и даже ничем на него не метал, а пропускали его с почтением, и он бросил от себя в одну партию кошельки с деньгами, а в другую партию дал часы золотые ее командиру, который принял их, снявши с себя шапку и с великим почтением, уверив при этом короля, чтобы он изволил ехать спокойно и ничем не тревожась, ибо его никто не тронет, а всяк чтит с благоговением, как особу священную» [2, с. 79].

Конечно, отдельные ситуации мало о чем говорят, но был в отношениях Сечи и короны один вопрос, так или иначе стоявший в продолжение всей войны. Именно его рассмотрение позволяет расставить в теме «освободительности» очень важные точки над *i*. Речь идет о численности реестрового казачества.

Реестровое войско – это часть казаков, особым списком (реестром) принимавшихся Польшей на государственное обеспечение для обороны южных границ королевства и выполнения полицейских функций преимущественно против всего остального казачества. Его история начиналась во второй половине XVI в. со скромной цифры 300 человек, набранных из зажиточных крестьян и мелкой украинской шляхты. Позже цифра колебалась: когда в реестровом казачестве появлялась нужда, его численность увеличивали, когда отпадала – сокращали. Так, в начале XVII в. число «реестровцев» подскочило с 4 тыс. до 50 тыс. при осаде поляками Смоленска в 1609 г.; в 1617 г. Сейм выделил средства на реестр всего лишь в одну тысячу человек, но в 1620 г. для похода гетмана Сагайдачного на Московию – уже на 20 тыс. К началу польско-казачьей войны реестровое казачество насчитывало примерно 6 тыс. человек. Владислав IV, готовя свою антитурецкую авантюру, обещал казакам увеличить реестр до 12 тыс.

Сословие это было привилегированным, и своим благополучием резко выделялось на фоне казацкой «голоты». По своему социальному статусу оно было приравнено к шляхте, пусть и не обладало всей полнотой политических прав шляхетства польского. Реестровцу полагалось два человека в услужение (в количественном отношении, следовательно, фактическую численность реестрового войска нужно умножать на три); они были освобождены от всех налогов и повинностей, кроме военной; им отводили землю и платили деньгами, одеждой и припасами. Службу реестровцы отбывали в Южном Поднепровье («за порогами»), величались Войском его королевской милости Запорожским (или просто Войском Запорожским) и при этом резко отделялись от собственно Запорожской сечи. Хмельницкий, напомним еще раз, был гетманом именно этого войска.

Так вот, приверженцы теории польско-казачьей войны как войны национально-освободительной как-то всегда уж очень невозмутимо проходили мимо одного обстоятельства, крайне неудобного с точки зрения их теории, а именно: одним из центральных вопросов в мирных переговорах